

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГРАНИЦЫ ДАЮТ ОТПОР: ДЕМАРКАЦИЯ ПРАКТИК, ПРОСТРАНСТВ И ЯЗЫКОВ ОПИСАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

20.04
22.04
2017

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

ШАНИНКА

Векторы развития современной России

ГРАНИЦЫ ДАЮТ ОТПОР: ДЕМАРКАЦИЯ ПРАКТИК, ПРОСТРАНСТВ И ЯЗЫКОВ ОПИСАНИЯ

Материалы XVI Международной
научно-практической конференции
молодых ученых

20–22 апреля 2017 года

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316.32
ББК 60.561
В26

Оргкомитет

*Юлия Пацокова, Рита Шульгина, Анна Каллина, Всеволод Герасимов,
Александра Боброва, Алина Филяева, Марина Пименова*

В26 Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых 20–22 апреля 2017 года / под общ. ред. М. Г. Пугачевой — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-4469-1278-0

В сборнике представлены доклады участников XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященные трем аспектам феномена «возвращения границ»: пространственному (границы регионов, территорий, общественных пространств); практическому (практики рефлексии, практики памяти, практики помощи); дисциплинарному (границы дисциплин, направлений, языков описания). Для научных работников и специалистов, аспирантов и студентов в области социальных и экономических наук.

Дизайн обложки *Наталья Липилина*

УДК 316.32
ББК 60.561

ISBN 978-5-4469-1278-0

© Московская высшая школа социальных
и экономических наук, 2018
© Междисциплинарный академический центр
социальных наук (Интерцентр), 2018
© Авторы статей, 2018

Подольский краеведческий музей и Музей писем А. П. Чехова как центры формирования локальной идентичности Подольского района

В настоящее время в гуманитарных науках увеличивается количество работ антропологической направленности. В исторической науке в связи с этим растут возможности анализа крупных социально-политических процессов через призму изучения различных социальных и общественных групп. Значительное внимание стало уделяться истории отдельных личностей и семей с активным применением методов устной истории, анализом источников личного происхождения. Семейная и личная история на сегодняшний день составляют тот микроуровень, на примере которого можно проследить динамику развития более масштабных исторических явлений. Как справедливо отмечает российский историограф Л. П. Репина, «важным качественным сдвигом в мировой историографии явился так называемый “культурный поворот”, в котором получили закономерное и яркое отражение как небывало возросший интерес к проявлениям человеческой субъективности в прошлом и настоящем, так и стремление к ее контекстуализации на новой теоретико-методологической основе, соответствующей глобальному характеру современной цивилизации, целям развития межкультурного диалога и принципу единства в многообразии»¹.

В этой связи меняются смысл и назначение многих культурных институций, среди которых и музеи. Вся история существования и изменения парадигмы развития музейных институций последних лет показывает, что их очень трудно загнать в какие-либо жесткие рамки. В противном случае прошлое и настоящее, представленные в музейных экспозициях, будут восприниматься одинаково догматически. Нужно учитывать тот факт, что музеи чрезвычайно гибки и максималь-

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

но открыты новым веяниям, даже если в ходе этого обновления будут рушиться те мифы, к которым общество уже привыкло. В этой связи нельзя не согласиться с К. Шубертом: «Музей меняется. В прошлом он был оплотом абсолютной уверенности, источником определений, ценностей и знаний во всем, что касается искусства. В нем не звучали вопросы — только авторитетные ответы. Сегодня музей находится в центре горячих споров по поводу его сути и методологии. В ходе некоторых из них ставится под сомнение и отрицается сама целесообразность музея. Эти дискуссии не имеют окончательного решения, но они глубоко воздействуют на функционирование и восприятие музеев»¹.

Количество музеев различной тематики растет быстрыми темпами, но в то же время происходит и переосмысление их роли в культурной жизни общества. Выживают и находят своего посетителя только те из них, которые предложат оригинальную концепцию своего развития. Как справедливо замечает К. Шуберт: «Естественно было бы предположить, что институциональная самооценка музеев высока, а их финансовое положение, поддерживаемое как за счет государственных, так и за счет частных источников, стабильно. В действительности же это верно с точностью до наоборот. Современная ситуация характеризуется глубокой неуверенностью в понимании значения и общественной функции музеев, и даже самые известные из них испытывают недостаток средств на текущие расходы и закупки, угрожающий срывом планов»².

В этой связи возрастает роль музеев в процессе формулирования принципов идентичности того или иного городского или культурного пространства. Вместе с государственным направлением в понимании истории усиливаются и совершенно иные знания о прошлом, среди них — неофициальная, локальная, приватная история, которой занимаются обычные люди, исследующие прошлое семьи, места или событий, связанных с судьбами близких людей. Становится естественным, правильным интересоваться этой близкой историей, исследовать ее и знать, обмениваться этим знанием «по горизонтали», между собой.

Музей в новых условиях выступает как центр и хранилище этой «горизонтальной» памяти и таким образом способствует формулировке новых смыслов. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда в одном районе соседствуют разные виды

¹ Шуберт К. Удел куратора. Концепция музея от Великой французской революции до наших дней. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 12.

² Там же. С. 8.

идентичности, и получается, что локальная идентичность далеко не всегда совпадает с административными границами. Музеи Чехова и Подольска это демонстрируют в полной мере. Локальные идентичности вроде бы разных районов оказываются очень схожими и переходят одна в другую. Перед нами литературная, театральная, железнодорожная, образовательная и промышленная идентичности. К этому добавляется и идентичность через личность А. П. Чехова. Таким образом, оригинальная концепция Музея писем А. П. Чехова отражает как географическую привязанность знаменитого человека к данному региону, так и литературно-художественное соединение с этой территорией, история которой также отражена и в Подольском краеведческом музее. И здесь нельзя вновь не согласиться с Шуберт: «Можно сказать, что один из величайших мифов о музее представляет его как оазис покоя среди бурь политики и истории. Нет ничего более далекого от истины. Музеи реагируют на политические и социальные сдвиги с сейсмической точностью. Сам их успех есть результат исключительной гибкости и способности адаптироваться к переменам — способности, которой лишены другие культурные институты»¹.

Крупнейшие города России представляли собой тот образец, который служил эталоном для европейцев при оценке того или иного явления в России. Они считались средоточием культуры и цивилизации.

Тот же Петербург строился как витрина русских достижений в культурной сфере, однако многие иностранцы ставили под сомнение подлинность увиденного и обращали свои взоры на Москву, полагая, что лишь по ней можно судить о стране в целом. Д. Казанова, посетивший Россию в 1760-е годы, говорил от имени многих европейцев, когда утверждал: «Кто Москвы не видал, тот не видал России, и кто знает русских только по Петербургу, тот не знает русских чистой России. На жителей новой столицы здесь (в Москве) смотрят, как на чужеземцев. Истинною столицей русских будет еще надолго матушка-Москва... Москва тянет все назад, к давнопрошедшему — это город преданий и воспоминаний, город царей, отродье Азии, с изумлением видящее себя в Европе»². По мере исчерпания экстенсивной имперской модели развития ослабевала сила центральной столичной власти, и одновременно с этим стали размываться прежние идентификационные смыслы существования Санкт-Петербурга и Москвы. К концу XIX века

¹ Там же. С. 10.

² Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765–1766 // Русская старина, 1874. Т. IX. С. 548.

императорский двор обосновывается в Царском Селе, а сама столица теряет свою старую идентичность, не успев до 1917 года приобрести новую. Как справедливо в этой связи отмечает Е. Берар: «На протяжении десятков лет и Петербург, и Москва оставались дворянскими столицами и лишь к концу века, вместе с ростом промышленности, начали развиваться как метрополисы. Из экономического и политического довеска к деревне город постепенно превратился в самостоятельный очаг национальной культуры. Именно стремительный процесс урбанизации позволяет понять то тяжелое предчувствие конца, которое царило в Петербурге начала XX столетия. До 1861 года столица могла гордиться тем, что была единственным местом в империи, где чувствовалось биение пульса городской жизни, сорока годами позже отсутствие современных инфраструктур отбрасывало ее далеко назад, и Петербург оказывался позади других европейских столиц... Апокалипсический ужас, который сопровождал город Петра с момента рождения, превратился в страх обезличения и утраты европейского духа»¹.

Российские императоры XVIII века столкнулись с той же проблемой, что и некоторые реформаторы уже в XX веке. Проводя западные реформы, они далеко не всегда находили понимание среди собственного народа, получая за границей лишь условное признание. По терминологии итальянского марксиста начала XX века А. Грамши, императорский режим путем голого принуждения навязывал стране свою власть, но эта власть была хрупкой, потому что не основывалась на гегемонии (всеобщем консенсусе в признании режима и его мировоззрения)². Для того, чтобы Россия могла решить эту проблему, культура петербургской имперской элиты должна была проникнуть в средний и низший слои общества и за пределы собственно столицы. Петербург играл важную роль, являясь проводником культуры, но этот город имел слишком периферийное положение по отношению к остальной России.

Таким образом, Москве отводилась роль противовеса Санкт-Петербургу, и она, по мысли имперской элиты, могла обеспечить насаждение европейского просвещения на территории страны. Как точно подметил И. С. Аксаков: «Тем свободнее могла производиться в Москве работа народного самосознания и очищаться от всех исторических

¹ Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 7.

² Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. М., 1959. Т. 3. С. 247.

случайностей и всякой исключительности русская мысль. Москве предстоит подвиг завоевать путем мысли и сознания утраченное жизнью и возродить русскую народность в обществе, оторванном от народа. Довольно сказать, что Москва и Русь одно и то же, живут одной жизнью, одним биением сердца — и этими словами само собой определяется значение Москвы и отношение ее к Петербургу»¹.

Коренная перестройка Москвы стала к середине XVIII века приоритетной задачей царской власти, особенно при Екатерине II, в правление которой были заданы основные направления политики, сохранявшие свою актуальность вплоть до Великих реформ 1860–1870-х годов. В период от восхождения Екатерины Великой на престол до смерти Николая I российское общество претерпело глубокие изменения, это коснулось и отношения императорской власти к Москве. За это время Москва подверглась многосторонней модернизации, но она не потеряла старую идентичность, а скорее приобрела новую. В негласном соревновании с Северной столицей по многим показателям Москва выходит вперед. Она обрела инфраструктуру европейского города, включавшую полицию, систему образования, замощенные и освещенные улицы. К тому же в городе начал формироваться средний класс, обладавший культурой европейского типа. При этом Москва, несомненно, оказывала большое влияние на соседние области и способствовала их развитию.

В конце XVIII века с разделением Московской губернии на уезды был образован Подольский уезд, а село Подол 5 октября 1781 года именным указом, данным Екатериной II Сенату, было переименовано в город. Он вырос на основе села Подол, принадлежавшего до 1764 года московскому Данилову монастырю, а потом переданного ведомству Государственной коллегии экономии. Географическое положение села было благоприятным, улицы прокладывались по обоим берегам реки Пахры.

С 40-х годов XIX века через Подольск на юг шло множество подвод с солью, керосином, маслом и мануфактурой. В городе и уезде было много постоянных дворов, кабаков, проезжающие останавливались здесь передохнуть, перекусить и оставляли у подольских купцов немалые деньги. Но все-таки до середины XIX века территория вокруг Подольска и сам город не имели самостоятельного значения и о какой-то самоидентичности этого района говорить пока не приходится (хотя, несомненно, такие усадьбы, как Лопасня-Зачатьевское, являются украшением этих мест). Только во второй половине

¹ Аксаков И. С. Петербург и Москва // День. 1862. № 39.

XIX века, с бурным развитием капитализма на территории Центральной России появляются новые центры городских идентичностей. Москва к этому моменту не имела столичных функций, и при имперской модели устройства России это способствовало формированию новых смыслов в развитии городов вокруг нее.

Итак, к середине XIX века город становится самостоятельным промышленным центром в общероссийском контексте, ориентируясь не только на Москву, развивается своя промышленность, появляются собственные культурные институции.

Уже после Отечественной войны 1812 года в Подольске сложилась собственная объемно-пространственная структура исторического центра города. На территории, прилегающей к центральному собору, были сооружены торговые ряды. Расцвет же каменного зодчества, как и общественной жизни, относится ко времени генерал-губернаторства в Москве графа А. А. Закревского, у которого около Подольска было имение — село Ивановское, в котором сегодня находится часть Подольского краеведческого музея. Это место является несомненным украшением района и составляет важнейшую часть идентичности, которая связана как с театром, так и со знаменитым земляком — А. П. Чеховым. Дело в том, что на сцене местного театра в Ивановском играли актеры Малого театра, а его режиссеры ставили свои спектакли (классические и современные пьесы): «Гамлет» В. Шекспира, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Казак-стихотворец» князя Шаховского, водевиль «Лев Гурыч Синичкин» и другие. Однако при жизни Чехова у Малого театра отношения с его драматургией не сложились. Несмотря на то, что именно в Малый театр Чехов, друживший с его актерами, приносил свои первые драматические сочинения больших форм, на московской императорской сцене были поставлены только водевили «Предложение», «Медведь» и «Юбилей». Однако сегодня спектакли по великим пьесам Чехова занимают значительное место в жизни театра: «Вишневый сад», «Чайка», «Три сестры».

Развитию города способствовало проложенное в 1844–1847 годах Варшавское (Брест-Литовское) шоссе. К середине XIX века площадь города составила уже 106 га, а в 1866 году в Подольск пришла Московско-Курская железная дорога, которая дала мощный импульс развитию местной промышленности и городу в целом. Фактически в это время и была создана промышленность Подольска. Трудно поверить, что за столь короткий срок в городе появилось столько экономических объектов. Перечислим только важнейшие из них.

В 1871 году для строительства цементной фабрики и кирпичного завода вблизи Подольска была создана компания «Губонин, Пороховщиков и Ко», основателями которой стали два московских предпринимателя и мецената: владелец каменоломен на правом берегу Пахры в Добрятинской волости Подольского уезда П. И. Губонин и архитектор-строитель А. А. Пороховщиков. В 1875 году, после завершения строительства заводов на выкупленном А. А. Пороховщиковым участке земли площадью 36 га в деревне Выползово, компания была преобразована в «Московское акционерное общество для производства цемента и других строительных материалов и торговли ими». В этом же году была получена первая продукция АО: портландцемент, романский цемент, известь, обожженный кирпич. Несмотря на убыточность заводов в первые годы их существования, к концу XIX века состояние дел в акционерном обществе значительно улучшилось, а производство строительных материалов на заводах выросло в 17 раз. В свое время подольский цемент использовался при строительстве здания Исторического музея и Московской городской думы.

В 1900 году американская компания «Зингер», занимавшаяся сборкой швейных машин, приобрела участок земли в Подольске, приступив к строительству своего первого в России завода. Сама компания «Зингер» появилась на российском рынке еще во время Великих реформ 1860–1870-х годов, однако до строительства завода в Подольске вся продукция ввозилась из-за рубежа, что значительно увеличивало стоимость швейных машин. Именно стремление сделать свою продукцию прибыльной подтолкнуло «Зингер» к строительству своего завода в России. Выпуск первых бытовых швейных машин был налажен в Подольске в 1902 году. Рост производства на заводе продолжался вплоть до революции 1917 года. К 1917 году на его территории располагалось 37 производственных корпусов и работало свыше 5 тысяч человек. В 1915 году один из корпусов «Зингера» был передан в аренду эвакуированному из Прибалтики военному заводу «Земгор», который выпускал военные снаряды. В этом же году развернулось строительство кабельного завода Московским товариществом меднопрокатных и кабельных заводов, однако из-за революции оно не было закончено.

Вместе с экономическим подъемом Россия переживала и культурный ренессанс, и два этих явления не случайно совпали в одном и том же районе. Вместе с ростом промышленного производства в городе на рубеже веков был отмечен и демографический рост. Увеличение численности населения города и его плотности, в свою очередь,

способствовало развитию социальной сферы. К 1866 году относятся первые официальные сведения об организации Подольской уездной больницы (с 1868 года — земской больницы). В 1880 году, спустя пять лет после закладки первого камня, состоялось открытие здания новой земской больницы, а в 1882 году — новой больницы с пятью самостоятельными отделениями, в том числе акушерскими койками. В 1887 году в городе появилась первая женская прогимназия, а в 1895 году — ремесленное училище имени Козлова. К этому периоду относится и врачебная деятельность А. П. Чехова.

Со строительством завода «Зингер» и дальнейшим развитием промышленного производства в Подольске был построен ряд важных объектов (преимущественно каменных): здание городской думы и банка (1901 год), женская гимназия (1903 год), здания «Красных рядов» (1910 год) и Общества потребителей завода «Зингер» (1911 год), купцом Толкушевым открыт кинотеатр «Художественный», построена первая электрическая станция (1914 год), пущен в действие водопровод и построена водонапорная башня по проекту В. Г. Шухова (1917 год).

Развитие этой сферы также связано с бурной общественной деятельностью А. П. Чехова, который вокруг своего имения в Мелихово создал три школы. Свою известность они получили далеко за пределами района.

И наконец, нельзя не остановиться на развитии железных дорог в этом регионе. Появление железных дорог сделало российское население более мобильным. Москва стремительно приходила в те места, где раньше о ней говорили как о чем-то безнадежно далеко. Писатель С. Я. Елпатьевский точно подмечает перемены в жизни российской провинции: «Многие... окрестные крестьяне стали тоже ездить в Москву. Они также привозили оттуда самовары и поддевки тонкого сукна, и сапоги с подбором, и манишки, и московские песни, московские нравы и московскую речь. Вместо старинного “цово” стали как-то особенно нежно выговаривать “чиво”, и певучее московское “аканье” начало вытеснять грубое крутогорское “о”. Падкие на моды, деревенские девки скоро выучились “акать” и говорить “чиво”, скоро запели московские песни, стали снимать сарафаны и шить себе кофты и шерстяные платья... Все было совершенно так же, как за сто лет перед тем, когда знатные русские люди стали ездить в Париж и привозили оттуда французские слова и парики, французские нравы и французскую болезнь. И, как екатерининских времен молодые кавалеры — модники, побывавшие в Париже, крутогорские ферлакуры жадно подбирали

по московским трактирам модные словечки и удивляли деревенских девок замысловатыми оборотами речи и пахучими остротами... Побывавшие в Москве привозили с собой новый воздух, новые потребности, новые вкусы, — запросили чаю, хорошей одежды. Им стало тесно в старинных дедовских семьях. И старики стали поговаривать, что парни набаловались и начинают перечить старшим... Нарождался человек. Без барина, из однообразной серой массы мирян смутно поднимала голову человеческая личность, и из воли семьи, воли мира обособлялась единичная воля. Он не всегда был приятен, этот новый деревенский человек, как не все было принято в той внешней культуре, которую он нес с собой в деревню, но это был человек, почувствовавший свое я, начинавший думать, добивавшийся своих прав»¹.

Даже А. Н. Энгельгардт, заведовавший образцовым хозяйством в провинции, жаждал в семидесятые годы хотя бы редкостного погружения в городскую культуру: «Хотелось и по мостовой проехать, и по тротуару пройти, и музыки послушать, в клуб завернуть, в театре побывать, посмотреть женщин, которые носят красивые ботинки, чистые перчатки. Странное дело, кажется, я уж привык к деревне, скоро три года только и вижу полузипунники, лапти, уродливо повязанные головы, обоняю запах капусты, навоза, сыворотки»².

Железная дорога объединяет сразу несколько видов идентичностей. Станция Лопасня непосредственно связана с именем А. П. Чехова (мемориальная доска), примерно в это же время он основывает в Лопасне почтовую станцию. Лопасня и Мелихово таким образом окончательно становятся центральными местами района и одерживают победу над именем Лопасня-Зачатьевское в негласном соревновании за главную идентичность. В конце концов, железная дорога связывает Подольск и Лопасню. Кольцо идентичностей замыкается.

Итак, на начало XX века сложился совершенно особый вид идентичности района Подольска и Лопасни — экономико-культурный. Какие перспективы просматриваются у локальной идентичности этого района в начале XXI века? Они зависят от многих факторов, но главный, на наш взгляд, это развитие федерализма в России. Для того, чтобы вывести Россию из состояния культурной и экономической провинциальности, вернуть ее столице блеск международного интеллектуального и инновационного центра, а провинциям достоинство

¹ *Елпатьевский С. Я.* Железная дорога // Елпатьевский С. Я. Рассказы. Т. 3. СПб., 1904.

² *Гнилицынов П. А.* Москва в эпоху реформ: от отмены крепостного права до Первой мировой войны... М., 2017. С. 78–79.

подлинных городов и предотвратить скатывание в плоскую и малопродуктивную иерархию, структурированную местопребыванием политической власти, необходима фундаментальная реконструкция урбанистической сети¹.

Существует множество проектов развития федеративного устройства России с разными центрами страны. Сумеют ли они дать новый импульс развитию Подольскому району, или он превратится в придаток Москвы — покажет ближайшее будущее. Насколько будут востребованы в качестве образцов локальной идентичности культурные объекты региона, опять же покажет время. Но то, что в современном Чехове существует Музей писем А. П. Чехова — в здании бывшего почтового отделения Лопасни, — внушает осторожный оптимизм в отношении сохранения традиций и основ той идентичности, которой славилась эта земля сто лет назад.

¹ *Росман В.* В поисках Четвертого Рима. Российские дебаты о переносе столицы. М.: Изд. ВШЭ, 2014.